

Софья Свобода

МАТЕРИЯ

Софья Свобода

Материя

«Автор»

2026

Свобода С.

Материя / С. Свобода — «Автор», 2026

Анна, сотворяющая ткань мироздания. Тара, ведающая стражница миров живых и мертвых. Елания, хранительница Родового леса. Все они ждут тебя. На самом краю света, на перекрестке миров. В Женщине. Мастерская Мироздания готова открыть тебе свои врата. И если ты готова, путешествие начинается.

© Свобода С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мирослава	6
Анна	8
Вселенский ткацкий станок	13
Откровения Богини	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Софья Свобода Материя

Посвящается моей матери и матерям ее матери. Моим дочерям и дочерям их дочерей. Моим сестрам и сестрам их сестер. Моим проводникам и проводникам их проводников. Посвящается Женщине.

Мирослава

Где-то на краю земли, там, где кончается Свет и начинается царство холода. Там, куда все реки мира несут свои воды, чтобы застыть. Там широко раскинулись ее руки. Размерно вздымаются ее груди, совершая бесконечный цикл бытия в божественном вдохе и выдохе. Ее огромный живот надежно защищен оплотом крепких бедер. Она пульсирует в унисон со Вселенной. Она колыбель, и она — саван.

Она Женищина. И она — живая.

Текст звучал в голове. Слова горели в воздухе. Их нужно было срочно отдать листу, но блокнот и карандаш лежали в дорожном рюкзаке. Мирославе жаль было тратить время на записи, потому что если она отвлечется на них сейчас, то потеряет драгоценное время и укрытая хвоей женщина-гора скроется из виду.

Прислонившись лбом к иллюминатору вертолета, Мира смотрела во все глаза. Среди безжизненной снежной пустыни стояли скалы-великаны, к которым льнули отроки-холмы. Вместе эта гряда складывалась в силуэт лежащей на спине женщины. Скалы походили на ее лицо в профиль: высокий лоб, скорбно прикрытые веки, прямой нос, выступающий подбородок. Один холм похож на грудь, другой — на выпуклый живот. Живая беременная женщина, сотканная из камней, земли и деревьев, укутанная снежным покровом.

Конечно, Мира понимала: дело в ракурсе, но образ беременной женщины пронзил до глубины души, всколыхнул воспоминания о собственной долгожданной беременности. Что-то очень глубокое и мудрое, старше ее на много тысяч лет, проснулось тогда. Она чувствовала себя целой Вселенной. Священным сосудом. Внутри нее зрела новая жизнь, и это было совершенным чудом, великой тайной, которую зачинает и вынашивает в своей утробе женщина.

Их должно было быть двое. Но так случилось, что во время беременности тело Миры стало одному колыбелью, а другому — саваном.

Мысли снова вернулись к словам. К тому волшебному инструменту, с помощью которого она может передать другим то, что видит и чувствует. Она писала с детства. Писала обо всем, потому что только так взаимодействовала с миром. Через слова в своих наивных и пафосных текстах. Но окончив журфак и устроившись на первую работу корреспондентом, наивные тексты пришлось спрятать подальше, а после и вовсе заставить себя забыть о детских мечтах. Она сделала выбор в пользу текстов, которые могли прокормить — сухих, экономических, безжизненных.

Однако чем дальше, тем сильнее этот выбор разъедал. Вот ей минуло тридцать шесть, и она с каждым днем всё сильнее напоминала себе персонажа из самых страшных своих фантазий. Ее отравляли сожаления о несделанном. Когда-то мечтавшая широко и свободно, теперь она погибала под гнетом обязательств, несбывшихся надежд и разочарований. Лишь изредка, как сейчас, мечты догоняли и оглушительно кричали прямо в лицо: «Очнись! Ты здесь не для этого!»

Мира перевела взгляд на коллег-корреспондентов в салоне вертолета. Кто-то спал, кто-то пытался поймать в объектив красоты, кто-то, как и она просто пялился в иллюминатор. Какой долгий перелет!.. Казалось, они уже целую вечность летят над витиеватыми узорами речушек, над мелкой рябью их темных вод, рыжим ковром мха и небрежно разбросанными белоснежными вкраплениями снега. Никогда прежде Мира не видела таких угрюмых мест. Земля мрачно следила за громким полетом железной птицы с людьми на борту. Суровая, бескрайняя, неурожайная в этих широтах, сумеречная, но вместе с тем такая манящая.

Скоро они прилетят на северный остров, где среди вечной зимы строится нефтегазовый терминал. И всё, что Мира сможет сказать миру об этом невероятном месте, — сводка

сухих новостей о стройке. О том, когда и сколько нефти и газа рассчитывают выкачать из недр отдельно взятой территории на краю земли.

Мира проводила взглядом женщину-гору, которая казалась такой хрупкой и уязвимой, но на самом деле была крепкой и сильной. Едва она скрылась из виду, вертолет начало трясти. Дремавшие пассажиры сонно потягивались, решив, что дело идет к посадке. Однако леность быстро улетучилась с их лиц и на смену ей пришли тревога и ужас. Взгляды устремились к кабине пилота, которая была плотно закрыта. Оттуда доносились отрывистая речь, шум рации. Мира ничего не могла понять: всё слилось в один сплошной гул, а потом — внезапная, звенящая тишина. Мысли судорожно закрутились в голове. Что обычно делают в таких случаях? Пишут прощальные смс родным? Как глупо.

Мира выпрямилась в своем кресле и закрыла глаза. Всё, что угодно, только не паника. Неужели всего несколько секунд, и ее не станет? Такой вот простой конец. В новостях напишут о крушении, и, если повезет, к близким вернется ее тело, которое предадут земле. Впрочем, какой в этом смысл, если земля повсюду? Она всё стерпит, всех примет, всё переработает. Лет через сто никто и не вспомнит о Мире, где бы ее тело ни нашло покой. Слова снова зазвучали в голове: *«Все мы из матерей выходим и в сырую землю уйдем. Начало и конец пути едины. Для всех без исключения».*

Она устремила мысли к сыну. За тысячи разделявших их километров, Мира отправляла ему всю силу своей материнской любви, представляя ее как покров, который будет защищать сына всю жизнь. *«И даже смерть бессильна перед этим правом Матери, которое священо во всех мирах».*

Анна

Там, на вершинах высоких скал, где реки берут свое начало из водопадов. Там, где рождаются облака, что несут свою прохладу смертным. Там, где среди камней пульсирует Река жизни. Там стоит Вселенский ткацкий станок. На том станке ткачихи Духа помогают душам плести ткань мироздания.

Пахло сырым стлаником, пеплом затухающего костра и домашними лепешками. Тишину нарушали звуки шипящего теста на раскаленной сковороде. Мира думала: сейчас мама дожарит лепешки и позовет ее завтракать. Полудрема в запахах и звуках воскресного утра особенно сладкая.

Только стоп. Сегодня не воскресенье, а для родительского дома здесь довольно свежо. Мира, лежавшая на боку, распахнула глаза и увидела перед собой гору румяных лепешек.

Тарелка с ними стояла прямо на сырой земле, а сама Мира лежала на мягкой звериной шкуре. Плотная ткань цвета крови кольцом смыкалась вокруг постели Миры и высоким куполом убегала наверх. Это был просторный шатер.

Тот, кто принес угощение, тихо скрылся в проходе, лишь мелькнув подолом длинной юбки. Миру тут же пронзили воспоминания об аварии. Она приподнялась и, сидя на шкуре, бегло осмотрела свое тело. Никаких следов. Более того, чувствовала она себя прекрасно, в ясном сознании, полной сил и энергии. На ней были ее джинсы и легкий лонгслив, рядом куртка и кроссовки. Ни походного рюкзака, ни защитного костюма. А ведь кто-то должен был всё это с нее снять.

Мира аккуратно расправила и сложила шкуры, служившие ей постелью, обулась, надела куртку, освежила пучок светлых волос, низко затянутый у шеи, взяла тарелку с лепешками и направилась к выходу.

Откинув полог шатра и выглянув наружу, Мира застыла в изумлении. Вместо скудных заполярных ландшафтов ее приветствовало просторное плато, покрытое травами и цветами, щедро залитое солнцем, со всех сторон окруженное высокими холмами и скалами. В нескольких шагах от Миры бежала шумная извилистая река, делившая плато на две части. Она срывалась водопадами с ближайших холмов по расщелинам в виде гигантской рогатки и, пробивая себе дорогу меж камней, убегала прочь, скрываясь за дальними скалами. Сразу напротив шатра через реку был переброшен дощатый мост.

Непривычно низко висели хлопья пушистых, объемных облаков. Облака образовывались прямо здесь, над плато, и, как в ускоренной съемке, расползались в разные стороны, уступая место новым. Это было похоже на гигантский природный котел по созданию облаков.

Вдруг с рокотом проплыла планета — так близко от Миры, что та смогла рассмотреть кратеры, впадины и возвышенности на ее красно-серой поверхности. От испуга Мира пригнулась, а планета неторопливо обогнула плато и устремилась за одну из многочисленных горных цепей вдалеке.

— Смертный может оказаться здесь, лишь плотно подойдя к границе жизни и смерти, — услышала она тихий женский голос рядом.

Мира обернулась и увидела удивительной красоты женщину. Неизвестно, что поражало больше: это удивительное место, странные слова женщины или то, как она выглядит. Волосы цвета ночного южного неба, заплетенные в две толстые косы свисали до поясницы. На ней был длинный распахной синий сарафан, а под ним светлая просторная рубаша с рукавами до запястий. Сарафан походил на длинную безрукавку, искусно сшитую и наполненную деталями, которые хотелось рассматривать. Ажурная золотая лента украшала ворот и тянулась вниз, к подолу. Выше пояса платье плотно облегало тело, талию очерчивал туго затянутый, широкий пояс, а дальше юбка расходилась широким колоколом и доставала почти до пят.

— Что это было? — выдохнула Мира. — Где я?

Женщина держалась с невероятным достоинством, которое излучали даже ее огромные, миндалевидные глаза с синей радужкой вокруг черных зрачков. Наверное, с таких божественно красивых лиц гении писали своих Мадонн и Богородиц.

— Между Небом и Землей, между Светом и Тьмой. Добро пожаловать в Междумирье, — приветливо сказала женщина и широко улыбнулась. — Я Анна.

— Эээ... Да, очень приятно, я Мира, — затараторила Мира. — Я... как бы это сказать... Потерялась?

Мира почувствовала себя глупо. Насколько легко лились ее слова на бумаге, настолько же косноязычной она становилась, когда дело доходило до живого общения. Анна продолжала смотреть на нее изучающе.

— А может быть, как раз нашлась? — предложила она с добродушным участием.

Мира искренне удивилась безмятежности, в которой пребывала ее собеседница.

— Понимаете, я журналист. Я приехала в командировку. Наш вертолет попал в аварию, когда мы летели на остров. Мне нужно как-то выбраться отсюда и поскорее. У меня работа. Я должна быть на острове. И потом, мне нужно домой. У меня маленький сын, он сейчас с папой. В смысле с его папой, не моим папой. Мой папа живет в другом месте. — Мира умолкла, поняв, что начала пороть чушь, хотя Анна слушала ее с полной невозмутимостью и, кажется, даже любопытством. — Извините, я вообще не понимаю, что происходит и где я.

Мира приложила ладонь к виску. Быть может, всё это галлюцинации, последствия аварии?

Анна подошла ближе, осторожно положила свою руку сверху и потянула ладонь Мира к себе:

— Реально всегда лишь то, что здесь и сейчас. Не волнуйся. Ты обязательно вернешься к своему сыну. Ты обязательно вернешься к своей работе, хотя... — Анна слегка прищурилась, глядя Мира в глаза. — Странно, что ты этого хочешь, ведь она тебе так ненавистна.

Жестокая правда обожгла. Мира покраснела, отняла руку.

— Мне нужно идти, извините, — она оглянулась по сторонам, подыскивая подходящее место для тарелки. В итоге поставила прямо на землю около шатра. — Большое спасибо за лепешки! Прямо как у мамы! До свидания!

Подгоняемая сомнениями и желанием хоть как-то действовать, Мира зашагала прочь.

Облака висели так низко, что Мира проходила сквозь них. Влажность завила и распушила волосы.

Да кто она такая, эта Анна, и что вообще понимает, в гневе думала Мира. Торчит тут на горе у реки, из забот — лепешки жарить да загадками разговаривать. Но чем дальше уходила Мира, тем спокойнее текли ее мысли и снова уносили в лабиринты прошлого. Она вынуждена была признать, что злилась не на Анну, а на себя. За то, что предала мечту и не раз. Она уговаривала себя, что всё делала правильно, просто так складывались обстоятельства.

Сразу после университета переезд в большой город и первая подвернувшаяся работа — нефтегазовым корреспондентом в информагентстве — стала большой удачей. Зарплата небольшая, но на съем жилья и пропитание хватало. Потом другое информагентство, уже покрупнее, потом третье. Командировки, интересные люди, статусные мероприятия. Всё это вскружило голову простой девчонке из деревни. Параллельно — встреча с будущим мужем, семейная жизнь. Ну, какие романы, какие рукописи! Она запретила себе об этом думать. Тогда ей казалось, что пойти за мечтой будет слишком эгоистично. Время. Его всегда не хватает. Оно неумолимо утекает, прямо как эта река, вдоль которой сейчас шагала Мира.

Опомнилась она, чудом не свалившись в бездонную пропасть. Плато резко обрывалось. Река устремлялась вниз грохочущими водопадами, потоками такой мощной силы, что плотная дымка застилала подножие скал густым туманом. В нескольких метрах напротив из тумана вырастала такая же скала. Очертания обрывов были схожи, они могли подойти друг другу, как два пазла, если бы существовала сила, способная их соединить.

Завороженная, Мира жадно смотрела на этот необузданный, бесконечный танец стихий. Какая она маленькая! Песчинка в величественном водовороте жизни. Она широко раскинула руки, подняла лицо к небу, подставляя его едва уловимым, влажным прикосновениям воздушных облаков.

— А-а-а-а! — протяжно выдохнула Мира. Ветер подхватил ее выдох и понес между скал.

— Э-ге-ге-ге-гей, — раскатисто повторила она, и ветер снова принял вызов, растянул ее «ге» и унес за облака.

Накричавшись вдоволь, Мира почувствовала небывалое умиротворение. Это была любимая игра ее деревенского детства — забраться на вершину холма и устроить переключку с ветром. Теперь она могла спокойно рассуждать.

Итак, ее сын сейчас в безопасности, с ее пока еще мужем. У них наверняка всё в порядке: несмотря на противоречия между ними, он хороший отец. Это первое. Второе: она жива, и это точно. Что с вертолетом и командой, она не знает и возможности узнать пока нет. Она вспомнила, что на инструктаже перед вылетом им рассказывали об аномальной зоне в прибрежной части. Тогда их заверили, что пилоты научились «обходить» это место. Однако сейчас Мира не сомневалась, что аномальная зона, женщина-гора, как она ее про себя окрестила, и странная авария, после которой она здесь оказалась, взаимосвязаны.

По всем физическим признакам выходило, что Мира не может однозначно утверждать факт аварии. Что там говорила эта Анна? Междумирье, в котором может оказаться лишь тот, кто стоит на границе жизни и смерти. Что ж, посмотрим, как тут у вас, в междумирье, всё устроено, подумала Мира и зашагала обратно.

Вселенский ткацкий станок

Заметив издали статную женскую фигуру в синем сарафане, я прибавила шаг. Мое сердце радостно забилося. Словно я вернулась в родной дом, словно знала Анну и это место всю жизнь.

Женщина неспешно ходила вдоль противоположного от шатра берега и, казалось, была занята каким-то делом: иногда склонялась к камням и что-то аккуратно поправляла в воде. Мне даже почудилось, что она с кем-то беседует. Когда нас уже разделяло лишь течение реки, Анна обернулась. Наши глаза встретились. Она выпрямилась и подошла к краю моста, жестом приглашая меня перебраться к ней. Я ступила на доски.

Внизу, в промежутках между ними, я отчетливо увидела прозрачные воды реки и каменное дно. Расстояние между перекладинами было небольшим, конструкция надежна, но я медлила. Мной овладело непонятное чувство тревоги, переступить было страшно.

Наконец я сделала шаг и правая нога по колено ушла под мост. Нogu пронзила острая боль. С трудом перебравшись на другой берег, я устроилась на краю моста. Сквозь джинсы проступила кровь. Анна присела рядом, осторожно закатала штанину на правой ноге и принялась промывать рану речной водой. Только сейчас я заметила в воде мелкие золотые частицы, похожие на пылцу. Прямо на глазах кровь останавливалась, рана затягивалась.

— Анна, — я удивленно потрогала гладкую кожу на месте раны. — Что это за странное место?

— Мастерская Мироздания, — ответила Анна будничным тоном. — Мы находимся на верхнем уровне Мастерской, в Долине ткачих. Как я тебе уже говорила, смертный может окатиться здесь, только переступив черту жизни, но еще не сделав шаг в сторону смерти.

— И что это за такое интересное состояние? — затаив дыхание спросила я, снова покраснев.

— Как правило, это момент очень глубокого духовного кризиса, — ответила Анна, закончив с моей ногой и внимательно посмотрела на меня.

В носу защипало, на глаза навернулись слезы. Не в силах выдержать этот пронзительный взгляд, я отвернулась. Взор охватил русло реки вплоть до горизонта, и я непроизвольно ахнула. Золотые частицы в течении вод собирались в тягучие нити чистого золота. Я закрутила головой то вправо, то влево. Эти золотые нити спускались на ближайшие к нам холмы прямо с неба и вливались в прохладные воды двух водопадов.

У подножия холмов, на камнях лежала перекадина, сплошь иссеченная шкивами — небольшими колесиками. Нити укладывались четко в шкивы и дальше тянулись стройными рядами разной толщины. Одни ряды были толстыми, массивными, другие — совсем тонкими, хрупкими на вид. В таком рассортированном виде нити входили в следующую широкую горизонтальную перекадину. Она и была тем самым мостом, на краю которого я сейчас сидела. И далее золотой поток вместе с водой уходил к линии горизонта и где-то там, за дальними скалами, поднимался вспять, к небу.

Всюду в воде стояли женщины с заткнутыми за пояс подолами таких же, как у Анны, сарафанов. Разбившись на группы, они ловко орудовали небольшими инструментами, похожими на длинные вязальные крючки: укладывали нити в шкивы, зорко следили за переплетениями, постоянно их поправляли.

— Что они делают? — не отрывая взгляда от этой картины, спросила я.

— Сотворяют ткань Мироздания, — ответила Анна. — Как я уже сказала, Долина ткачих — верхний уровень Мастерской. И здесь мои владения. У меня к тебе лишь одна просьба — отнесись с должным уважением ко всему, что ты здесь увидишь и узнаешь. Мастерская крайне редко открывает свои врата.

В руке у Анны блеснул непонятно откуда взявшийся крючок и она направилась в воду.

— Постой, куда ты? А мне что делать?

— Просто смотри, — с улыбкой ответила Анна. — Позже обсудим твои наблюдения.

Я осталась сидеть на краешке моста и какое-то время вглядывалась в каждый участок реки и работающих в ней женщин. После решила прогуляться вдоль берега и забралась на один из крупных камней. Только сверху стало видно, что нити, рассортированные в ряды, за мостом переплетаются в замысловатый ковер. Узоры в нем словно дышали, угадывались реки, моря и океаны, звери и птицы, сочная зелень деревьев и безжизненный зной пустынь, люди и поселения. Будто на экране шла непрерывная демонстрация всех красот Земли. Рисунок манил и я стала вглядываться в одну точку. Узор оживал уже более детально, я словно проваливалась в картинку в картинке. Отчетливо проступил силуэт какого-то человека.

— Мира, очнись! — окликнула меня Анна из воды. — Непосвященным нельзя смотреть в ковер! Это опасно, ты можешь навсегда остаться пленницей чужой судьбы.

Я спустилась с камня и подошла ближе к тому месту, где работала Анна. Отовсюду доносился тихий звук, какой издают идущие стрелки часов или метронома.

Я выразительно посмотрела на Анну и не успев задать вопрос, уже услышала ответ.

— Да, да, время, — лукаво сказала она, не отвлекаясь от работы. — Удивительная, неумолимая и совершенно непостижимая вещь. Секунда, а уже вплелась в твой ковер Судьбы. И не вернешь ее, не исправишь. Ломает человек голову над машиной времени, не видя, что лучшая машина времени — его собственные мысли и действия прямо сейчас.

— Но ткачихи... — Я в недоумении развела руками, указывая на женщин в воде. Одна из них как раз поправляла золотую нить и вплетала ее в общий поток.

— А что с нами не так?

— Очевидно же, что судьба человека в их, — я осеклась, — то есть в ваших руках. Или крючках.

— Когда привык перекладывать ответственность за свои выборы на кого-то или на что-то, то кажется, это так. Но всё здесь, — Анна указала пальцем на переплетения нитей — ваши выборы. Абсолютно каждому из вас дана Свобода воли. Закон Свободы воли — первый и самый главный закон Мироздания. Мы, ткачихи, лишь помогаем нитям души, а выбор делает сам человек.

— А будущее по этой штуке можно определить? Кстати, как это называется?

— Эта «штука», как ты ее изволила назвать — Вселенский ткацкий станок, — Анна сделала паузу, видимо, чтобы до меня лучше дошел смысл только что сказанного ею. — Что до будущего, то его знать никому не дано, а мы не гадалки. Человек сам создает свое будущее в каждом новом дне. Твое «сегодня» — результат твоего «вчера», твое «завтра» — результат твоего «сегодня».

Анна вышла из воды и направилась к шатру. Сообразив, что разговор окончен, я поспешила за ней. Уже в шатре я высказала Анне свою догадку, что золотые нити — это люди, ряды напоминают страны, а готовый ковер — это прошлое.

— Очень приблизительно, но ход твоих мыслей верен, — устало ответила Анна. — Здесь время идет иначе, оно не ограничено представлениями вашего физического мира. Скажем так: нить — это путешествие Души. Долгое, многовековое, увлекательное путешествие. Завтра я разрешу тебе выбрать одну нить и проследить ее путь. Но только одну и только твою. А сейчас отдыхай.

На следующий день я отправилась за Анной в воду. Сняла обувь и носки, закатала джинсы. Ледяная прохлада горной воды свела пальцы ног и икры. Но вскоре это прошло. Осторожно ступая по каменистому дну я медленно пошла за Анной. Под ее присмотром выбрала

нить. На ощупь отслеживая ее движение в готовом ковре, я заметила, что через определенные промежутки на нити завязаны небольшие узелки.

— Это воплощения Души, — объяснила Анна. — И если ты готова, можешь посмотреть.

Я стала концентрироваться на выбранном участке нити. Пространство вокруг меня словно расслоилось, и я погрузилась в состояние на грани яви и сна.

Я увидела очень красивую молодую девушку, с голубыми глазами и длинными, заплетенными в косу светлыми волосами. Она стояла в поле, среди высоких колосьев спелой пшеницы, а ее нежное лицо ласкали золотые лучи солнца. Затем я увидела ее же в библиотеке с высокими, уходящими ввысь книжными стеллажами. Уставшая, она старательно водила пером по бумаге, обложенная старыми пыльными книгами. А после — читающей книгу при свете тусклой лучины, в избе, полной деревенских чумазных ребятишек.

Она была незаконнорожденной дочерью крепостной и барина. Росла в доме своего отца и прислуживала его детям. Когда она вступила в возраст, жена барина сослала ее в самое безлюдное место в усадьбе — библиотеку. А она нашла там свое счастье. Книги стали ее лучшими друзьями. Не было другого, более радостного места на земле, чем пыльная библиотека со старинными книгами, столом, чернилами, перьями и бумагой.

Ее звали Соня. Сонечка. Сонная. Мама назвала ее так, потому что она была очень тихая. Тихонечко родилась, тихонечко спала, тихонечко была сама с собой. Не привлекала лишнего внимания, жила в своем внутреннем мире, счастливой и прекрасной в своей чистоте.

Со временем Соня стала обучать крестьянских детей грамоте — в избе, при свете лучины. Дети любили ее всем сердцем, и она нашла в них свое призвание.

Но жена барина придумала жестокое наказание для Сони и привлекла для расправы женищин усадьбы. Соню раздели, связали, надели мешок на голову и нагую избili на центральной площади усадьбы, перед господским домом. Это был акт жестокости женищины к женищине — за счастье быть реализованной в своем призвании.

Соня выжила, но взгляд ее потускнел, а волосы поредели. Тело навсегда покрыли шрамы, а сердце закрылось от мира, потому что он оказался слишком жесток — избил ее руками женищин, чьих детей она учила грамоте.

С тех пор она закрылась. Книги — большие никогда. Передавать людям знания — большие никогда. Она запретила себе чувствовать, заковала себя в тиски контроля. Все последующие воплощения душа выбирала людей с отключенным сердцем и сильными, выносливыми телами. Воинов. Женищин, выполняющих монотонную механическую работу.

Анна взяла меня за руку и повела дальше по следованию нити. Наконец остановилась возле очередного золотого узелка. Сказала мягко:

— Теперь вот здесь.

— Но мы пропустили несколько узелков, — возмутилась я.

— Ты и так всё поняла, не надо. Сейчас это не главное.

Глубоко вдохнув, я вновь положила руку на узел.

Место, в котором я оказалась, было похоже на необычную лабораторию: зеленые тропики под огромным стеклянным куполом. Здесь была красивая девушка, снова со светлыми волосами, но уже собранными в низкий пучок, и лучистыми голубыми глазами, одетая в стерильно чистый медицинский халат, который, выдавал ее хрупкую фигуру. Перемещаясь между растениями, она записывала что-то в тетрадь. Затем в недрах лаборатории долго сидела над микроскопом, изучая свойства растений. Она была ученым, создавала лекарства — только всё это было не то. Не то, что она искала.

После гибели брата и его супруги она усыновила их ребенка — собственного племянника. Мальчик рос необыкновенно умным, практически гением, но его тело с детства было приковано к инвалидному креслу. Всю свою жизнь она положила на поиск лекарства для приемного сына. Научные открытия, спасшие множество жизней, признание в профессиональной среде,

невероятная женская привлекательность — всё было ей обесценено и сметено в урну многолетними поисками. Весь свой жизненный потенциал она принесла в жертву, о которой ее никто не просил.

Анна помогла мне выйти из воды и оставила сидеть на берегу, пока она не закончит работу. Я села на тот же камень, с которого вчера наблюдала Долину, обхватила руками колени и задумалась об увиденном. Перед глазами снова поплыли видения из реки.

Казалось, я до сих пор физически ощущаю боль невероятной силы, которую Душа прожила вместе с Соней. Там запечаталось многое: страх, стыд, вина, несправедливость. Сони, как человека, давно нет, а Душа всё помнит. Прекрасную девушку, которая очень любила книги и детей. Жестоко наказанную женщинами, закрывшуюся от мира и отказавшуюся от мечты.

Между первой и второй — столетия. Где-то совсем близко со мной на хронологической шкале, изучала эту жизнь под микроскопом девушка в белом халате. Умница, красавица. Так мечтала найти лекарство для племянника, что не разглядела собственной ценности. Я не чувствовала разочарования, осуждения Души или каких-то других негативно окрашенных чувств. Скорее тихую печаль о том, что она не смогла насладиться жизнью в погоне за иллюзорным результатом.

Я безошибочно отыскала глазами в общем потоке свою нить. Моя Душа. Сколько опытов она уже прожила! Какое множество красивых узелков завязано в готовом ковре реки. Интересно, кем были все эти люди? О чём они мечтали, в чём реализовались, что оставили после себя в этом мире? И самый главный вопрос — неужели всё это я?

Меня накрыло волной благодарности за всё, что позволили увидеть и почувствовать здесь.

— Спасибо, что в этот раз ты выбрала меня, — прошептала я, глядя в золотое течение реки. — И хотя я пока не знаю, для какого опыта, но я обещаю больше никогда не предавать нас. Я здесь для тебя, а ты здесь — для меня.

— Знаешь, у всякого опыта есть свой замысел и цель, — услышала я рядом мягкий голос Анны. — Всё в твоей жизни не случайно — даже когда кажется, что то, что ты проживаешь, невыносимо. Помни, пожалуйста: в этой боли всегда рост.

— Я буду писать книгу, — немного помедлив, отозвалась я.

— И о чём же? — с искренним интересом спросила Анна.

— Да так... Есть кое-какие идеи.

— Как думаешь, дойдешь до конца в этот раз?

— Без сомнений.

Откровения Богини

Когда мы вернулись в шатер, обстановка внутри изменилась. Шатер словно бы стал намного просторнее, звериные шкуры теперь были повсюду, плотно соприкасаясь краями и создавая мягкий, уютный ковер. В центре стоял низкий восточный стол с угощениями, по периметру лежали небольшие, но пышные подушки. Анна уселась на одну из них, поджав под себя ноги, и принялась разливать чай.

Я села напротив и только сейчас заметила вдоль закругленных стен шатра непонятно откуда взявшиеся высокие, узкие стеллажи. Внутри, на полках стояли небольшие фигурки. Разных размеров, из красивых разноцветных камней и невзрачной глины, из золота и из обычного заскорузлого теста. Лица одних чудовищны, других — божественно красивы. С атрибутами всех стихий, представителями всех царств природы, оружием, орудиями труда и музыкальными инструментами разных эпох.

— Скажи, а что это за статуэтки?

— Терафимы, идолы, божества — называй как угодно. — Анна пожала плечами. — А можешь просто женщинами.

— Ну, конечно! — воскликнула я, только сейчас осознав это. — Они все — женщины!

— Дааа, это любопытно, — протянула Анна. — Современные женщины так много всего умеют и знают, но продолжают игнорировать один очевидный факт.

— Какой же?

— Что вы рождены в женском теле. — Анна указала на ближайший стеллаж с фигурками. — Думаю, тебе будет полезно узнать их поближе, пока ты здесь, в Долине. Не робей. — Она рассекла воздух ладонью в приглашающем жесте. — Приветствуй каждую, знакомься, как с самым долгожданным гостем, почувствуй их своим женским нутром. И они многое поведают тебе, вот увидишь.

Я подошла к полке, которую занимали фигурки женщин у ткацких станков, с паутинами, веретенами, коврами и прочими атрибутами рукоделия.

— Эти — мои любимые, — нежно сказала Анна. — Ткачихи. Эта троица — греческие мойры: Клото, Лахесис и Атропос. Греки верили, что даже судьбы богов в их руках. Клото прядет жизненную нить человека, определяя ей срок. Лахесис вынимает жребий, который выпадает человеку. А третья мойра, Атропос, заносит в длинный свиток всё, что назначили ее сёстры человеку. Неумолим тот свиток и начертанное в нем.

Нити мойр тянулись от большого веретена, которое, как посох, держала сидящая на массивном троне женщина. С широко расставленными коленями, со сдвинутым на глаза капюшоном она напоминала рериховскую Матерь Мира.

— Это мать мойр, Ананка, — продолжила Анна, заметив мой интерес. — Она — воплощение неизбежности Судьбы. Между ее колен вращается веретено, ось которого есть мировая ось. Заметь, не в складках эгиды могучего Зевса, а меж хрупких колен Ананки.

— Видимо, там сохраннее, — смущенно улыбаясь ответила я.

— Ну, вот, ты уже начинаешь улавливать, — улыбаясь в ответ кивнула Анна. — А это Айне, Фенне и Грайне — кельтские богини. Прядут свою пряжу у корней Мирового Древа и охраняют его. Там же, у одного из корней, сидят три норны: Урд, Верданди и Скульд. Они судьбы судят, жизни рядят, каждому, кто рождается, узел нарекают.

— А это что за странное существо? — Я указала на женщину с восемью ногами насекомого.

— Женщина-Паук. Индейцы племени навахо доверили ей плести судьбу человека. Кстати, свои нити она плетет тоже в скале, правда, на другой стороне Земли.

Как ни крути, все они — метафора женского аспекта Творения. Из ничего — из зернышка, клочка шерсти, комка слизи — Женщина способна создать целые миры. Дитя, еду, одежду — а может быть, и целую судьбу. Гея, Дана, Пачамама, — Анна указала на фигуры на другой полке. — Имен много, а суть одно — Мать-Земля, прародительница всего сущего. Она знает: что бы ни творили люди, как бы ни иссушали ее, всё — лишь часть ее большого цикла. Ей достаточно капли воды, и она вновь создаст цветущий Эдем.

Анна медленно прошла вдоль стеллажей, на ходу касаясь статуэток.

— Путь Женщины — путь Богини. Красота и плодородие, целомудрие и секс, смерть и рождение, жестокость и милосердие, целительство и магия, путешествия сквозь миры и пространства. Людям потребовалось множество пантеонов, чтобы объять многогранность женского пути.

— А мужского? — тут же отреагировала я.

— У мужчин свой путь. Не менее захватывающий и многогранный. Но если хочешь постичь божественную сущность мужчины, для начала всецело познай себя как женщину. Свою божественную суть.

Мы простояли еще какое-то время в тишине, рассматривая рукотворные изваяния богинь.

— Уже поздно, тебе нужно отдыхать, — сказала Анна.

— Как? Разве ты не расскажешь мне про всех? — я удивленно развела руками, будто хотела объять всех женщин в шатре.

— Главное я сказала. Спокойной ночи, Мира.

Оставшись одна, я легла на пол, положив под голову подушку. С высунутыми языками, горящими глазами, с копьями и факелами, с младенцами на руках, с черепами, змеями вокруг шей, собаками, в колесницах и в ладьях, целомудренно спрятанные под накидками и в чувственно-раскрепощенных позах. С полок стеллажей на меня безмолвно смотрела многоликая Женщина-Богиня.

Здесь, в самом сердце этого причудливого женского круга, под куполом красного шатра, я, пожалуй, впервые всерьез задумалась о том, что же это такое — быть женщиной. И с удивлением поняла, что не знаю.

Воспоминания о первых месяцах после рождения сына больно укололи в сердце. С одной стороны, во мне тогда просыпалась огромная, неведомая до этого нежная Сила, а с другой... Я так отчаянно нуждалась в поддержке мужа, заботе других женщин. Но ни того, ни другого не случилось. Какая теперь разница, почему так вышло. Но факт оставался фактом. Мое неумение быть уязвимой, невозможность расслабиться и довериться, желание быть идеальной привели меня туда, где я сейчас.

Я всегда чувствовала угрозу от мужского. И после окончания декрета я не уволилась, как велело мне сердце, а сбежала в другой город на работу с трехлетним ребенком на руках. И без того мой хрупкий брак на расстоянии совсем сошел на нет. Мой личный проект под названием «семья» рухнул. Хотя мы и смогли сохранить отношения как родители, но совершенно потеряли интерес друг к другу как мужчина и женщина.

В какой-то момент я поверила, что я какая-то не такая женщина. Это я не смогла сохранить семью. Это я была недостаточно удобной, недостаточно хорошей, недостаточно идеальной. Я вся превратилась в чувство вины и парализующий страх за будущее.

Подступили слезы. Я столько раз прокручивала в голове события последних лет, вела воображаемые диалоги, оправдываясь или, наоборот, требуя справедливости. Отмахнувшись от этих мыслей, я стала вглядываться в полупрозрачный купол шатра. Сквозь тончайшую ткань мягко светили звезды, а планеты с тихим рокотом проплывали мимо, то загораживая этот холодный свет, то вновь впуская его в шатер.

Глаза уже закрылись, но в своем воображении я поднималась всё выше и выше, по спирали звездной пыли, подгоняемая в спину ветром. Млечный Путь сделался совсем крошечным, и я увидела другие галактики, а потом оказалась перед огромным черным Нечто. Неведомая сила толкала меня в самый центр этой темноты. Секунда — и Тьма поглотила меня полностью.

Великая Тьма. Пустота. Ничто. Покой и умиротворение. Возможно, так чувствуется смерть. Но мне не страшно. Я качаюсь на волнах безмолвия, ощущая себя самой любимой дочерью, которую мать качает в колыбели, напевая свою тихую песнь. Есть ли границы у моего собственного тела, или я стала частью этой темноты?

Неожиданно яркая вспышка. Несколько мгновений я тону в огненном свете, а после падаю на темно-синее покрывало из россыпи звезд и вижу, что покрывало то держит над своей головой сама мама Ночь. Она представилась Нюктой, хитро улыбнулась, и с усилием дернула покрывало, как издревле делали женичины, вытряхивая ковры от пыли.

И упала я на всё принимающее, мягкое тело Земли —Геи. И узрела, что та постоянно рождает и умирает. Отдает и принимает. Создает и разрушает.

А на перекрестке миров стояла трехликая Геката с горящим факелом в одной руке и золотым ключом —в другой. Рядом с ней ее верные черные псы. Она провожает чистую Душу от Источника для первого вдоха и выводит к Источнику с последним. Она стоит рядом с роженицей, встречая того, с кем позже суждена встреча —разделить ли муки родов или встать плечом к плечу в смертном бою. А к тому, кто оставался, являлась Гула. Та, что исцеляет тело и Душу.

И оказалась я у корней Древа Жизни, где ткачихи продолжали невозмутимо творить ткань Мироздания. И пришла к тем корням непокорная Лилит, первая женичина, сотворенная до Евы и сбегавшая из Эдема. Ох, плакала, Лилит, ведая, как предали ее забвению за любовь к свободе и отказ от подчинения; как сделала ее молва детоубийцей и женой самого сатаны. Ох, плакала Лилит в моих объятиях, сидя у корней древнейшего Древа.

И пришла к нам Дина, дочь Иакова, та, что прокляла отца своего за жестокость. И рассказала, чем поплатилась за свободу от мужского мира.

И пришла к нам Инанна —Царица Небесная, та, что наделила земного мужчину божественной сущностью. И плакала Богиня плодородия, умеющая соединять в экстазе Небо и Землю, только так и не познавшая материнство. И никакие предметы силы не помогли.

И внимали той женской исповеди милосердные Гуаньинь и Мария, беспощадные Кали и Морриган. Так и сидели в кругу множество женичин из всех времен и народов, по очереди беря слово, пока другие слушают. А высоко над Древом беззвучно слушала наши откровения сама Великая Майя. А после укрыла нас всех своим Вселенским полотном иллюзий, пропитанным слезами и наслаждением Женичины.

Открыв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.